

С. Л. Бринкер

**Кто не спрятался,
вылетит — не поймаешь**

16+

Светлана Люция Бринкер

Кто не спрятался, вылетит – не поймаешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55543104

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник новелл объединяет идея поиска утраченных вещей, мыслей и любимых людей. Страх потери знаком каждому, но, когда ищешь, находишь порой больше, чем ожидаешь. Мариночка прячется от чудовищ в джунглях своей жизни: спасёт ли её возлюбленный или сбудется пророчество мамы, что каждый следующий муж хуже предыдущего? Поймёт ли медбрат, нанятый в дом престарелых для терапевтического чтения русской поэзии, природу таинственных метаморфоз пациентов? Выиграет ли ведьма Нина Ивановна у третьего закона Ньютона? Как проститься с умирающим отцом в мире, отказавшемся от устной речи? Поможет ли экзорцист хирургу Пшеничникову, одержимому демоном алкоголизма? Три, четыре, пять, я иду искать!

Содержание

Беглец и его мышь	5
Старинная песенка о физике	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Люция Бринкер

Кто не спрятался, вылетит – не поймаешь

Здесь шесть новелл об исчезновениях.

Никогда не понимала, зачем люди играют в прятки. Каким не страшно открывать глаза и отправляться на поиски? Может быть, не найти никогда, позабыть того, кто притаился, обнаружить похожего, обознаться. Или сообразить, что зажурился у притолоки родного дома, а открыл глаза в незнакомых краях. Прятки – может быть, единственная игра, в которую бывает лучше проиграть.

Ведь утраты в любом случае неизбежны. Мы теряем близких, драгоценные предметы и даже порой собственную личность и рассудок. Естественный ход событий связан с пропажами. Нелегко наблюдать, как со знакомой картины бытия исчезают объекты, как будто стираемые рукой недовольного собою художника. Лишь неутолимое любопытство к тому, куда уходят вещи, мысли и люди, принуждает меня не отводить взгляд.

В каждой из новелл рассказывается об одной пропаже. О том, почему все потери – навсегда. И что к находкам стоит относиться, как к подаркам судьбы и новым, невиданным чудесам.

Беглец и его мышь

Мариночка была всё время чем-то напугана.

По улицам она бегала, глядя под ноги, скрестив руки перед собой и ухватившись за ремень сумки, потому что ещё в школе какой-то старшеклассник, проходя мимо, схватил за грудь и поставил подножку. Теперь она всегда была на чеку, обходя встречных по большой дуге, охотно спрыгивая в грязь. Собаки любого размера, даже на поводке, впадали в неистовство, стоило им заметить её подсакивающую фигурку: похоже, девушка напоминала им больную кошку. Мариночку невозможно было не обругать из проезжающей машины. Такой ор уже не выводил её из равновесия. Автомобиль – штука смертоносная, думала она. Не может же хищник не рычать.

Подруг у Мариночки не было. Девчонки только и мечтают разболтать все секреты и увести потенциальных женихов, говорила мама. Она разбиралась в людях!

Сколько дочь помнила, Лариса Семёновна была вечно занята подготовкой к скорой смерти. Примерно так: валилась на диван, хваталась за сердце, и Мариночка, ужасаясь, пулей летела мыть посуду, и за сметаной, и уроки учить, и на пианино играть, и юбку шить – и всё, что потребуется. Так мамину гибель удавалось предотвратить в последнюю секунду.

На семнадцатилетие Мариночке было сказано: «Самое

ужасное – это не успеть!» Дочь сразу поняла ЧТО. Через пару месяцев после выпускного она послушно объявила, что выходит замуж. «Сходи», – с жестоким удовольствием ответила мать. Олег, Мариночкин кавалер, оказался незатейливым шутником. «На этом месте могли быть ваши сиськи!» – провозгласил он трубным голосом из рекламы, впервые увидев избранницу без одежды. Дальнейшие попытки раскрепостить жену успехом не увенчались. Мариночка получила два хронических инфекционных заболевания «по-женски», фистулу прямой кишки – и никакой уверенности, что делает хоть что-нибудь правильно. Правда, у них в квартире царил идеальный порядок, домовые маялись от безделья, воруя антидепрессанты у соседей, и всё-таки за полчаса до возвращения мужа с работы у Мариночки начинали дрожать руки. Притом её тогда ещё не били.

* * *

Развелись супруги скоро и с обоюдным облегчением. Олег нашёл себе другую любовь, Мариночка вернулась к маме. Повезло, утешила та. Штампик-то в паспорте, народный знак качества! Уже не скажут люди, что никто не брал.

Спеша по улицам, Мариночка часто думала об ужасной судьбе незамужних. Наверное, к двадцатнику в костях у них пробуждаются голодные черви и начинают грызть обречённых женщин изнутри. Со временем пропитанная ядом плоть

отпадает с высохших скелетов, как с тел прокажённых. Дамы подхватывают её лоскуты на бегу, страдая безмолвно, как русалочки Андерсена. Слава Богу, ей самой удалось избежать этой чудовищной участи.

Но повсюду поджидали другие катастрофы. Отвлекись на минуту – и уже летишь в открытую пасть люка, жадного и неприметного городского монстра. Убийственные лезвия сосулк целятся с карнизов в наивные макушки. Ближние норовят ударить по правой щеке и ждут с нетерпением подставленной левой. Да и внутри тела не происходит ничего хорошего.

О физиологическом кошмаре Мариночка узнала, когда по требованию мамы («Я заболею, а ты меня спасёшь!») перешагнула порог медучилища. Пришлось научиться многому: недрогнувшей рукой колоть железом в страдающее мясо, мыть человека повсюду и даже там, куда заглядывать страшно. Но, увы, так и не получилось понять, как методом барона Мюнхгаузена в момент опасности вывернуть лису наизнанку.

Получив диплом медсестры, Мариночка оказалась перед выбором: квалифицированно наглотаться снотворных таблеток или найти способ смириться с повседневным кровавым кошмаром. Она научилась говорить себе (а кому бы ещё?) так: «Это вам не бумажки в бюро перекладывать! Я служу людям. Облегчаю страдания!» Приобрела опыт работы, в основном, заключающийся в понимании, что есть ве-

щи похуже мотоциклиста с травматической ампутацией ног. А именно: шустрый, неудержимый дементный старичок с длинными острыми ногтями.

А потом Мариночка встретила свою судьбу.

* * *

Медбрат Лёва возник из знакомого больничного хаоса, вынырнул то ли из перевязочной, то ли из психиатрического. Он ничего не боялся. Когда они вместе курили на крыльце, её неотступное желание превратиться в мышь и впасть в спячку за камешком под травяным одеялком лет на триста ощущалось не слишком остро.

«Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел»,

и всё такое.

Мать, удивительное дело, не вмешивалась. Они с дочерью почти не встречались, хотя и жили в одной квартире. Дежурства, подработки, каменный сон в промежутках между ними спасали от столкновений на кухне и у телевизора. Лариса Семёновна даже советы давать перестала. Разве что «одеваться теплее и не есть сладкого, а то покоровеешь!».

В таком виде маму стало легко любить.

Ей ведь исполнилось шестьдесят! И пока ни разу не умер-

ла. Мариночке казался этот факт чудом всей жизни и немного – личной заслугой. Известно, что у послушных детей матери живут вечно.

А потом Мариночка с Лёвой расписались и стали жить-поживать в Лёвушкиной двушке. Это чудо ощущалось даже удивительнее маминой старости. Муж был высоким, гордым и красивым, как Человек-невидимка в исполнении Андрея Харитонова. За ним все врачихи ухлёстывали. Если что, девчонки сразу передали бы. Но повода не было.

Русский классик утверждал, что заканчивать историю свадьбой – всё равно, что поставить точку на том месте, где герой кладёт голову в пасть льва. И точно: главное было впереди. Вернулась Мариночка однажды домой и увидела чужого мёртвого дядьку на кухне. Носом в пол, с ножом под лопаткой. И одет незнакомец был как артист из фильма «Янки при дворе короля Артура». Вошёл Лёва. Мариночка нетерпеливо ожидала объяснения, уверенная, что оно будет хорошим.

– Сокровище, – сказал муж, внимательно наблюдая за лицом супруги, – я на самом деле из другой реальности, примерно соответствующей вашему тринадцатому веку. Мой давний враг тайно последовал за мной.

Лёва говорил короткими фразами, неторопливо подходя ближе и что-то разыскивая в кармане треников:

– Пришлось расправиться с негодяем. Не то у нас были бы неприятности. Ты, наверное, не поверишь...

– Ну почему же, я верю, – сама себе изумляясь, ответила Мариночка.

Удивительное дело: она всю жизнь готовилась к такому! Люди, незнакомые с жадой убийства, таящейся в каждом автобусе, в балконах, поджидающих жертв, чтобы обрушиться с ними вниз с девятого этажа, не поверили бы. Подняли бы шум. Погубили бы себя и возлюбленного звонком в полицию. Но Мариночку неустанное бегство от преследователей, настоящих и сказочных, подготовило к самым невероятным ситуациям. Она не героиня второсортного триллера, чтобы заламывать ручки и требовать доказательств. Почему бы мужу, который ни разу её не обидел, не оказаться чернокнижником из альтернативного Средневековья? Чувствовался в нём человек незаурядный. Лёва даже ел, как аристократ! И никто из персонала не смел ему хамить, включая уборщиц.

Неприятностей не случилось. Медики быстро придумали, как поступить с трупом врага.

* * *

«Мой муж – чародей», – с восторгом думала Мариночка, развешивая капельницы и пристёгивая к кровати пациентку в делирии, плюющуюся и лежащую, как бешеный верблюд. Самоубийцы, наркоманы и даже пьяные дети представителей городской администрации – все пациенты скрылись за прозрачным театральным занавесом. Из-за него приглу-

щённо доносились отголоски их страданий.

В таком виде их стало легко жалеть.

– Не входи больше в кладовку, пожалуйста, – целуя её в затылок, попросил муж.

Мариночка засмеялась счастливо, прижимаясь к нему, поглаживая по подбородку.

– Ты чего это?

– Проверяю, не растёт ли у тебя синяя борода.

Нет, борода не росла: Лёва брился охотно, наслаждаясь чужой и поразительно удобной технологией электробритв. Он вообще виртуозно приручал технику двадцать первого века. Освоил компьютер, властно усмирял пылесос. Когда ни у одного из супругов не случалось ночных дежурств, в сумерках, слушая ужасные голоса из-под подушки, напоминающие о долгах за квартиру и старых обидах, Мариночка сворачивалась под мышкой у любимого. А он шептал ей на ухо о благородных предках, о королях-братьях, разделивших страну не по справедливости. О бесконечных войнах, гибели целых городов, потере древних знаний. В итоге враждебный клан предательски захватил трон. Преследователи вынудили изгнанного принца прибегнуть к темнейшим ритуалам, принести кровавые жертвы. Почти уничтоженный креатурами Ночи, он выполз к воротам родовой крепости, чтобы принять достойную смерть в поединке. Но его бросили в казематы, пытали и оставили подыхать в темноте. Потребовалась почти вся кровь, чтобы бежать оттуда. Из-за слабости

и боли была совершена ошибка в ритуале – и принц оказался в иных временах. В загадочной эпохе, где книги по истории содержали множество несовпадений.

Увы, негодяи нашли способ посылать по следу беглеца наёмных убийц. Их Лёвушка распознавал по признакам, слишком сложным для понимания неволшебников.

Жена охала, сопереживала. Но вскоре запутывалась в незнакомо звучащих именах, в непонятной системе взаимных обязательств древних чародейских родов. До мозга костей современная женщина, она никак не могла проникнуться мечтой мужа о реванше, о возвращении короны предков. Тогда Мариночка думала о Галилео, о Ньюtone. О том, сколько понадобилось открыть и исследовать для реализации простейшего внутримышечного укола. Не говоря уж о рентгене.

Колдуны и учёные были в равной мере пугающими существами. Те и другие – непонятны простым людям, хоть те за партой удавись! Если сравнить физиков-ядерщиков и некромантов-чернокнижников, колдуны казались в чём-то даже человечнее и ближе.

Влюблённые, принц и медсестра, скрывались от врагов в скромной хрущобе: зажигали свечи, играли в односложные слова. Но уже в тихие вечера счастья и взаимопонимания стала ощущаться неопределённая угроза. Видимо, кто-то шёл по следу – могущественный, беспощадный. Органы безопасности, уголовный розыск?.. Демон из потусторонне-

го мира?

Преследователь не показывался, но присутствие его ощущалось явно, как огонь, поднесённый к закрытым глазам.

* * *

– Почему ты не стал здесь каким-нибудь... работником спецслужб? – нежно спросила Мариночка на прогулке, когда спонтанно всплывший вопрос о приобретении собаки закрылся к облегчению обоих. «Зачем нам пёс, раз есть ты», – сказал муж. Так мог бы выразиться и Олег, но Лёва, в отличие от него, не шутил. Мариночка растерянно хихикнула, испугалась и не стала додумывать, что любимый имел в виду.

– Ну ладно, не в полицию, – осторожно продолжила жена, – хотя тебе там врагов находить было бы проще. Но почему не... ну не в политику, что ли? К известному человеку не подкрадёшься незамеченным.

– Мой Наставник... Мы обсуждали опасность провала в чужое время, он приказал мне в этом случае сделаться медиком.

– Чтобы научиться человеколюбию и милосердию?

– Возможно, таков и был замысел, – отвечал муж, целя сизый ёжик на макушке у Мариночки. – Но, сокровище моё, ты же профессионал, сама понимаешь, что таким вещам в больнице не научишься. Чтобы развить в себе гуманизм, надо с людьми пореже встречаться. Монахом-отшельником

стать. Художником-фрилансером. Сторожем на маяке.

– Что неизбежно наводит меня на мысль: надо бы одинокой, забытой маме позвонить. Ты всё ещё против того, чтобы ей показаться? Мама до сих пор уверена, что я тебя выдумала.

– А когда увидит – ясно, сразу поверит!

– Ты прав: позвонит на другой день, расспросить, сколько ты взял за то, чтобы сыграть мужа. Она – мой кафкианский отец. Помнишь «Приговор»? Кстати, тебе не кажется, что вон тот дядька у перехода исподтишка за нами наблюдает? И одежда у него какая-то новая. Будто бы он себе купил всё разом, в одном магазине, даже шапку и сапоги...

– Ты у меня умница. Поезжай домой одна, я попозже буду.

А вечером:

– Ну? Это был он?

– Кто? – окинув жену острым, как бритва, взглядом, холодно спрашивал Лёва.

Мариночка немного пугалась, что любимый разозлится на idiotские вопросы. Хотя глуповато бояться высоты, если уже падаешь. Она бегала на работу, как всегда, не поднимая глаз, но всё замечая. Ловко прятала газетные статьи о серии убийств в их районе. Переключала канал, едва заходила речь о полицейских расследованиях. И, даже когда застала Лёву с зеленоволосой Лилей из приёмного покоя, не обиделась, а только немного забеспокоилась. Не залетела бы, дура малолетняя! Чернокнижье – ещё туда-сюда, но зарезанный на ал-

таре младенец, пусть даже чужой, мог бы навсегда отворотить от супружеского счастья.

Она извинялась перед мамой по телефону, мол, смены не совпадают, заняты, прийти не могут. Слышала: «Ясно! Каждый следующий муж хуже предыдущего!» – и сжимала кулаки, не смея возразить.

* * *

И вдруг Лариса Семёновна, по её же выражению, «загрелась» в реанимацию: инсульт. Дочери позволили взять отпуск по уходу за матерью. Ларису Семёновну часто переворачивали, чистили трахеостому, мазали ноги увлажняющим кремом и рыдали над нею от беспредельного ужаса.

В одну из мучительных ночей Мариночка проснулась, чуть не свалившись с неудобного стула у постели матери. И увидела Лёву, стоящего напротив, там, где ритмично вздыхала машина искусственного дыхания и попискивал монитор.

– Спасибо, что приш...

Она заметила руку мужа, протянутую к регулятору экспираторного положительного давления.

– Что ты делаешь?

– Ничего особенного. Забираю тебя домой, – ответил муж тихо и непреклонно.

– Мамочка, это мой Лёва, – зарыдала дочь. – Он не злой,

просто так вырастили, у них в семье это нормально.

– Что нормально? – угрюмо переспросил чернокнижник. – Что ты вообще знаешь о моей родне?

Он обошёл кровать, на которой умирала Лариса Семёновна, присел на корточки перед парализованной ужасом женой. Заглянул в её мокрое лицо беспощадными глазами.

– Семья – дерьмо! Вся эта чушь о самопожертвовании, заботе о родителях – гнуснейшая манипуляция лицемерного социума. Требование забыть себя, чтобы удовлетворить ожидания неудачников. И этому я должен был научиться? Бред! Эгоизм – это признак душевного здоровья, рефлекторный акт самосохранения. А нас принуждают служить отжившим своё развалинам, отдавать им деньги, время, эмоции. Эмоции! Человеку запрещают ненависть! Гнев! Ярость! Что следующее? Громкий смех?.. Отказываюсь плясать под дудки моралистов! Отказываюсь от бессмысленного церемониала скорби по больным и мёртвым! Это такая же тупость, как плакать над состриженными ногтями. Нет, ты не реви, ты слушай, больше никто тебе ничего подобного не скажет, кругом демагоги и ханжи. Оставь старуху, она и без тебя найдёт дорогу на ту сторону. Идём домой!

– Очень хорошо! – объявила довольная Лариса Семёновна, садясь в кровати и указывая на зятя пластиковой трубкой, извлечённой из собственного горла.

Машина ИВЛ обязана была при этом заорать как резаная. Однако притихший аппарат теперь заслоняла высокая пуга-

ющая фигура в накидке, похожая на палача.

– Вы записали это? – обратилась мать к существам, выглянувшем из-под кровати. Разум Мариночки отказался понимать, что они такое. Дочь механически повторила их послушное кивание.

– Я же запретил открывать кладовку! – прошипел Лёва, поднимаясь и отступая в полумрак.

– А ей и не нужно было, они мои собственные, – любезным тоном сообщила ведьма. И добавила официально, но с лёгким сожалением в голосе:

– Принц, вы меня разочаровали. Я сама предложила это испытание и готова была организовать Реставрацию. Однако вы только что произнесли всё необходимое, чтобы меня переубедить. А ведь добрую девочку вам приготовила, годы потратила на воспитание по-настоящему верной, понимающей, самоотверженной. А вы её исключительно в виде фамильяра¹ использовали... Итак, – подвело итог создание на больничной койке, – вы скомпрометировали себя, принц. При свидетелях признались в своём чудовищном эгоизме и неспособности контролировать дурные наклонности. Я подумую ещё, отложить коронацию лет на триста или отдать вас уже сегодня на растерзание неуспокоенным душам. Заберите его!

Из-под пальцев ведьмы вырвались тёмные штуковины,

¹ Фамильяр – дух в зверином обличье, спутник и слуга колдуна. Например, ведьмин чёрный кот.

страшнее которых ничего и представить себе невозможно: иглы, раскрывающиеся жадными пастями или цепкие паучьи лапки, многие бестии или один ветвящийся морок – не разглядеть было в удушающем сумраке.

Это, неведомое, схватило визжащего Лёвушку и утащило под кровать.

* * *

Мариночка робко оглянулась. На шум должно было сбегаться всё отделение.

Но вот свет мигнул, и медсестра уткнулась мокрым носом в добротную серую кладку казематов.

Она превратилась в мышку и успокоилась наконец. И улеглась спать на триста лет за камешком под травяным одеялком.

Старинная песенка о физике

Была у нас соседка Нина Ивановна, учительница музыки. Такая вся из себя: «Для гармоничного развития личности ребёнка записываю вашего мальчику по средам и пятницам на фоно!» В переводе на людской и понятный: несите бабос, вы, недостойные звания родителей. Купите билет в лотерею, где разыгрывается лучшее будущее для детей. Таинственное и грозное «фоно» означало фортепиано. Попросту – древнее беккеровское пианино в квартире Нины Ивановны. Глухой, но всё ещё бодренький инструмент.

Мамуля, человек к наезду ближнего гиперчувствительный, прям-таки аллергический, восприняла требование соседки как «Всё для фронта, всё для победы!». И потащила меня по клавишам клацать. Хоть бедность страшная была. Вообще неясно, откуда тогда в доме гречка бралась. В возрасте веры в Деда Мороза считала, что еда материализуется из пятёрок и примерного поведения. Но уже в младших классах засомневалась – из-за падения курса шоколадного сырка по отношению к успехам в учёбе. После победы на олимпиаде по математике в холодильнике могло вообще не оказаться ни одного сырочка!

Но музыка в нашем доме подавалась в изобилии, даже если маме не платили зарплату два месяца подряд. В простенке между залом и кухней тоже стоял инструмент, ореховый «Красный Октябрь». Стыд-позор, но музыкальный слух я не унаследовала совершенно. Шум из пианинной утробы оставлял меня холодной. Аж до лёгкого насморка.

Нина Ивановна обещала маме развить мои музыкальные таланты. Спустя почти сорок лет утверждаю: остались завитыми. Польку от марша не отличу! Стараться буду, потеть, шевелить ушами, и всё равно не получится.

Нина Ивановна самоуверенно заявляла, что берёт не каждого, а только перспективных. Как Том Сойер на покраску забора, понятно? «Разве что один мальчик из тысячи, а то и из двух тысяч сумеет выбелить его как следует». Но раз уж все серьёзные женщины вокруг считали, что без па-ба-бама не прожить, значит, приходилось симулировать музыкальность. Нот семь, вероятность угадать неплохая. То и дело меня грозили выписать из перспективных из-за очевидной бездарности. И мама с испуганным лицом бежала на второй этаж с припасённой со дня рождения коробочкой «Ассорти». Тогда уроки возобновлялись.

Поначалу против ненавистных этюдов и сонат помогало обкусывать кожу на пальцах до гнойных панарициев. С этой

тактикой у нас боролись чесноком и йодом, перцем и упрёками в свинстве. Пришлось прекратить самоедство. «Познакомишься с молодым человеком, – пророчила мать. – Он тебя попросит Шуберта сыграть, а ты не сможешь. Он на тебе и не женится!» Этого допустить, конечно, было никак нельзя.

Ежедневно по часу на «Красном Октябре» отрабатывались Чайковский с Моцартом. А результат? Сегодня могу воспроизвести только «Старинную французскую песенку», заунывную мелодию. Играют её на множестве чёрных клавиш, которые я считаю своими персональными врагами. Не из расизма! Чёрные просто хуже. Спросите любого бездарного пианиста. Он подтвердит.

* * *

У соседки-музыкантши были дети, воспитанные строго, как черти в сундуке у священника. Чужой в дом – сразу прятались в другой комнате. Ходили тихо, спасибкали через каждое слово, как ненастоящие. Пацан и девчонка – намного, лет на пять младше меня. Мы почти не играли вместе. Пугнула их разок-другой валенками-пяточгрызами, чудищами, которые прикидываются обувью. И рогатой сортирной кудрой, чтоб малышня не по делу туалета не занимала. И всё равно малыши висли на мне, как блохи на собаке. Едва садилась за пианино, оба замирали поблизости и глядели на пальцы, на мою неуклюжую левую руку. Или заранее

подкладывали кусочек фольги из-под шоколадки «Алёнка» под молоточек, пробуждающий ля малой октавы, – и ждали зловещего треска. Впрочем, за такое уже наказывали.

Папы у них тоже не было. То есть, у меня отец с самого начала отсутствовал, прочерк в паспорте, мама родила дочь, что называется, себе. А их папка недавно нашёл себе другую женщину. Говорили, лет на пятнадцать моложе Нины Ивановны. Расставались супруги по-бразильски, с рыданиями и пощёчинами. У нас на этаже соседский ор снизу слышно было великолепно. Народ узнал всё, что хотел. Вплоть до размера органа блудливого родителя.

– Меня оставляешь – ладно. Но детей?! – разносилось, благодаря великолепной подъездной акустике, как в Большом театре.

– Ничего, – гундел неверный муж, – у меня новые будут! Не такие шизанутые, как ты этих выдрессировала.

– Нет, Станя! – обещала Нина Ивановна своим хорошо поставленным контральто. – Не будет у тебя в жизни никаких других детей!

У нормальных людей Станислав – Стасик. А у неё – Станя. Любой бы от такой ерунды сбежал. Шучу. Он, наверное, устал просто: квартира маленькая, куда ни глянь – кто-нибудь из малышни крадётся по стеночке и извиняется за своё присутствие на каждом шагу. Уехал, короче, с молодой женой на Дальний Восток. Внизу притихло, разве что Чайковский иногда зазвучит или «Турецкий марш». Мама соседке

старую бабушкину шубу предлагала тогда, но Нина Ивановна отказалась, мол, не нуждается. Нет – и не надо! Я потом распоролa и аляску себе сшила, мехом внутрь. Не понимаю гордых, кто старую вещь презирает.

* * *

Так что отбарабанишь адажио («Третий палец, а не второй! Локоть не прижимай! Мягче, это тебе не “Танец с саблями”!») – и можно домой за «Властелина мира» Беляева. Или маминогo Булгакова, что за трубой в ванной спрятан. Будто я не знаю, где книжки про голых ведьм и оторванные бошки, хе-хе. Иногда везло: во время урока музыки к Нине Ивановне приходили гости. С ними хозяйка уходила на кухню. Там незнакомые женщины плакали или умоляли о чём-то тоненькими, отчаянными голосами. Им возражали невнятно и угрюмо. Изредка голоса возвышались, но разобратъ, о чём спорят, никакой возможности не было: только прекратишь клавиши терзать, раздаётся крик: «Заснула? С первого листа опять!» – и жалобные всхлипывания очередной гостью.

Удивительно, каким влиянием обладала простая учительница музыки!

Мужчины заходили и на таинственную кухню приглашались очень редко. А если уж случалось, то сперва оставляли в прихожей большие тяжёлые сумки. Уходя, странно пере-

спрашивали в дверях: «Так отдаст?» или «Выпустят?». Будто соседка работала в бюро прогнозов и знала будущее.

* * *

Когда я пошла в шестой, мамуля и музучительница постепенно сдружились. Занимали друг другу очереди, обсуждали реформы и разгул преступности. Вместе стали ездить на электричке в сад. Так почему-то назывался участок земли с домом, имущество соседки.

Со станции приходилось тащиться через лес, долго, безо всякой тропинки, чуть ли не по звериным следам. Нина Ивановна просила никогда без неё туда не ездить. Нам бы и так в голову не пришло. Зачем бы? В чужой сад? А потом скажут, мол, мы чужую картошку выкопали или трусы с верёвки спёрли.

По дороге молчаливые соседские дети шустро набирали по полному пакету грибов. И этим бесили до икоты: как я ни пялся, как по кустам ни скачи, ни одного гриба не находила! Даже муравьями проточенной сыроежки.

Долго ли, коротко ли по таинственным приметам находилась нужная полянка. На ней скособочился сруб, а за ним – небольшой огородик. Не помню, чтобы с него собирался какой-нибудь урожай, но пропалывали и чистили этот участок самоотверженно. Думаю, кривые рядки зелени задуманы были исключительно для воспитания детского характера.

И наглядного примера, что картошка не растёт на магазинной полке.

Мы, дети, совместно кидались копаться в земле. Соседские отпрыски – по свистку, а я – из собственной необъяснимой для городского человека нежности к росткам. Люблю втыкать в почву пальцы, дёргать посторонний пырей за листья. Кактусу и алоэ, проживающим на подоконнике, верным и неприхотливым друзьям, не удавалось утолить мою страсть к зелёному. Хотя, надо отдать им должное, они старались: звали в свои колючие объятия и, кажется, даже изредка цвели.

Пока мы возились в грязи, мамы разводили костёр и варили на нём фантастический грибной суп. Ничего подобного не едала потом – ни в Париже, ни в Пекине. Честное слово! К вечеру я легко выигрывала в дурачка содержимое карманов обоих соседских малышей: стеклянные шарики, ириски, проволочные колечки – всякое такое. На обратном пути на меня ещё дулись, но к следующему уроку забывали. Подлезали под стул-вертушку, цапали за пятки, щекотали, сбивая с такта. Нина Ивановна недовольно ворчала, провожая очередную зарёванную незнакомку. И торопилась к пианино, грузно переваливаясь на отёкших ногах, хлопая в ладоши нервно, как взбесившийся метроном.

То, что случилось дальше, вспоминать не слишком приятно, но необходимо.

Вышла я как-то раз с особенно поганого урока. Выяснилось, что проклятье «заиграть рондо» и в самом деле существует, а не выдуманно для запугивания глупых маленьких пианистов. «Заиграть» – значит, залажать. Только успеваешь пустить из-за такта первое «т-радара-да-РАМ!» – и пальцы сводит судорога. Урок закончен, можно идти домой! Моцарта – выкинуть и забыть. Точнее, начинать учить его с начала, ползком по клавишам. И при фантастическом усердии достичь прежнего уровня через пару месяцев. Под ехидные замечания, мол, загнанных лошадей – что?..

Выскочила я с дикими глазами в подъезд – и чуть не покадилась вниз по ступенькам. Споткнулась о сидящего на лестнице Станю.

О растолстевшего, небритого, грязного Станислава Васильевича, бывшего мужа соседки.

– Нина дома? – спросил он, глядя бессмысленно в пустоту над моей головой. И полез на коленях в раскрытую дверь.

Но вползти почему-то не смог. Ткнулся лицом в косяк, заскрёб пальцами по обитой кожзаменителем ручке.

Пьяный, решила я. Хотя известный запашок отсутствовал. Про наркоту и не подумала, ничего ещё о таком и не

знала. Первая встреча с этой темой произошла на следующий год, когда нашу отличницу Жанну нашли с пакетом на голове. Токсикомания, один чёрт. А тогда я только удивилась, что водкой от Стани не несёт. Стоило бы убежать от него вверх по лестнице. Но я только отошла на безопасное расстояние, перегнулась через перила и стала наблюдать, как дядька в квартиру зайти не может. Сегодня, наверное, снимать бы стала – и на ютуб.

Сосед и упасть в прихожую пытался, и зацепиться за висящее внутри пальтишко сына – всё зря. Походило это на непонятную игру или дурацкую шутку. Наконец, на шум выглянула музучительница. Жаль, разглядеть не удалось, повеселило её состояние супруга или расстроило. Соседка довольно долго наблюдала сверху из полумрака, пока Stanislaw Васильевич её не заметил. Разведённый муж как раз пробовал просунуть в квартиру снятый с ноги ботинок. Потом поглядел наверх и вскрикнул.

Горестный вопль, будто стон раздавленной грузовиком собаки, звук, который не ожидаешь услышать от взрослого мужчины, сразу и бесповоротно убедил меня, что происходящее не весело, а ужасно. Страшнее, чем белоглазая бабушка Фаня и однорукий цыган в переходе. Всё-таки я не убежала: боялась двинуться и на шуметь. Ведь у Нины Ивановны был абсолютный слух.

– Сними проклятье, Нина! – взмолился сосед. – Маша умерла в позапрошлом году от разрыва матки. На другие сут-

ки и дочь... Обоих похоронил. Потом с её сестрой сошёлся. Три выкидыша было. Сейчас в реанимации лежит: воспаление лёгких. Беременная. Помрёт!

Музучительница не ответила.

– Дай хоть на детей глянуть, – попросил после очень долгого молчания Станислав Васильевич.

– Ты им больше не отец.

– Алименты выплачу, не переоформил в том году, когда на завод перешёл...

– Нам и не надо, справляемся. Про детей забудь, – счастливым голосом посоветовала соседка. – И сюда больше не ходи, хуже будет.

– Куда уж хуже?

– Бывает-бывает. За всякой бедой худшая прячется, – певуче отозвалась Нина Ивановна. И добавила непонятно: – Сколько пальцев на ногах у тебя? Десять или поменьше уже?

Снизу послышались пугающие гулкие звуки. Как будто муж соседки заплакал. А может, захохотал. Что за бред, причём тут пальцы?

* * *

Ночью приснился мне на пианино вместо фотографий и вазы с сухими цветами длинный узкий гроб. В нём – сосед Станислав Васильевич. Одет, как положено мертвецам, в костюм, в хорошую рубашку. Но в одном ботинке. Навер-

ное, второй проник в прихожую и там пропал среди резиновых сапожек и ветхих тапочек. Если влезть на полированный стул-вертушку, стоящий напротив первой октавы, было видно, что на ноге у соседа только два пальца. На месте остальных – гниющая рана, мёртвая плоть. На несвежем дырявом носке копошились жирные мухи.

Неделю я заниматься музыкой отказывалась наотрез. Тогда у мамы случился гипертонический криз. Как всегда, когда я забывала сходить за хлебом, схватывала трояк по географии или теряла ключи. Кризы, особенно гипертонические, следует запретить Женевской конвенцией или заменить более гуманной штукой – ремнём. Сравнивала! Ремень не такой унизительный.

Последовала немедленная капитуляция с моей стороны. Пришлось просить прощения за прогулы. И таскать вниз пирожки с луком и печеньки, первый кулинарный опыт. Твёрдые, помню, получились. Как пуговицы. Выходила я от соседки осторожненько, но никто за дверью не сидел.

То есть...

Больше музучительницу бывший супруг ползком не навещал. Но иногда мелькала неясная стремительная тень, что-то появлялось и пряталось. Или вовсе ничего... Лучше не присматриваться.

Зимой нам пришлось продать «Красный Октябрь». Теперь нужно было проситься разучивать этюды самостоятельно, в неурочное время. Я пользовалась тем, что никто не слушает, и подбирала песни БГ – примитивно, аккордами. «Город золотой» почти получился, до припева. Для такой беспрецедентной глухомани – подвиг! Когда казалось, что «огнегривый лев» становится похож на правду, незаметно подгрел сопливый мерзавчик Федя, музучительский сынок, и трескал кулаком по субконтроктаве. Возвращал в русло суровой реальности!

Вечерами наши мамы пили чай и вели неспешные, скучнейшие беседы. О физике.

О брошенном камне и кругах по воде, о действии и противодействии, третьем законе Ньютона и о теории вероятности. В других квартирах народ, затаив дыхание, наблюдал за финальными корчами СССР или болел душой за рабыню Изауру. И только у нас заходила речь о правилах механики. Впрочем, я не особенно прислушивалась. Вспоминается смутно:

– А не вернётся ли сделанное? – хотела знать мама. И пояснила, бросив озабоченный взгляд на малышей, – Несчастья, за которыми к тебе народ ходит. Вот ударит оно по тебе в ответ, что с детьми станет?

– Маловероятно, – задумчиво отвечала Нина Ивановна, высасывая крошки из дуплистого зуба. – С чего бы? Народ со злом приходит и получает по заслугам. Я только проводник. Или усилитель.

– Ну а если всё-таки...

– Не дёргайся, Нюся!

Моя мама, Агнесса Карловна, в момент обрусела от такого обращения. Мастерича была соседка наша на клички и странные сокращения имён! «Нюся»! Я хихикала себе в раскрытую книжку, которую малышня пыталась отобрать просто так, из вредности. А музучительница объясняла:

– Чтоб по мне ударило, нужно кровью наговор оборвать. Не просто собой пожертвовать, так многие сделать готовы, чтоб побольше выторговать для любимых, чтоб наверняка желание сбылось. Вот только если исхитриться кровью сам смысл у наказания отнять... Тогда да. Опасно. Но уж очень мудрено. Боишься?

– Боюсь, – признавалась моя отважная мать, которая отступала лишь перед одной-единственной угрозой – моими хроническими отитами.

– Не берись, раз так, – с улыбкой советовала соседка, прихлёбывая из трофейной чашечки мейсенского фарфора. Их тогда оставалось две с неотбитой ручкой. – Понадобится – знаешь, как делать. Нам, женщинам, – загадочно предрекала Нина Ивановна, – рано или поздно приходится... замараться. Не за свои обиды, так чтобы детей из грязи вынести. Уви-

дишь.

Странные получались разговоры, непонятные. Ну что такого жуткого в третьем законе Ньютона, например? Как ты что-нибудь тык, так и оно в ответ тык. Справедливость!

* * *

Весной мы снова поехали в сад.

Детвора резво месила грязь между дальних пней и коряг. И в два счёта наполнила пакет подозрительной грибной мелочью. Добычу нарекли «зимними опятами». А значит, нас ожидал суп! Домик на полянке показался заброшенной обычной. Но Нина Ивановна сняла замок, отворила окна и вновь завладела избушкой, оставленной таинственными силами зимы. Нам выдали грабли для расчистки грядок от старых листьев. Мусор скидывался, как обычно, в тёмный овраг с родником на дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.